

КИРИЛЛ

КАЗАНЦЕВ

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ

БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

БУНКЕР

РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

Колычев рекомендует: Бандитские страсти

Кирилл Казанцев

Бункер разбитых сердец

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Казанцев К.

Бункер разбитых сердец / К. Казанцев — «Эксмо»,
2016 — (Колычев рекомендует: Бандитские страсти)

Ночной охранник Михаил Родин находит под ящиками с товаром забетонированный люк. Через несколько ночей упорной работы он вскрывает его и обнаруживает бункер, построенный, по всей видимости, незадолго до начала Великой Отечественной войны. Любопытство оказалось сильнее страха, и Михаил спустился вниз. То, что он там нашел, буквально перевернуло его жизнь и внесло свои коррективы в отношения с журналисткой Светланой, с которой Михаил познакомился незадолго до судьбоносного события...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Казанцев К., 2016
© Эксмо, 2016

Кирилл Казанцев

Бункер разбитых сердец

© Казанцев К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Михаил Родин ехал в поезде. Только на этот раз не в грузовом вагоне, как четыре года назад, а в плацкарте. Ехал туда, где жил и работал. Где была его семья. Но все это в прошедшем времени. И семья, и работа, и обыкновенное человеческое счастье. Всего этого он лишился, как говорится, в одночасье. Жена изменила, на службе подставили, из квартиры выписали, определив в коммуналку в городе, где прошли его безмятежные годы детства и юности. А он тогда и не сопротивлялся, поскольку сразу ударился в спасительный, как тогда ему казалось, алкоголизм. Он – человек чести и совести не смог пережить предательства со стороны близких ему людей. Одно дело – враги. А тут – любимая Галочка и уважаемые сослуживцы. Причем офицеры. Это не укладывалось в голове. И Михаил, не проявив силы духа, некогда совсем непьющий, мигом превратился в забулдыгу, не выпускающего стакана из рук.

Прошли эти проспиртованные годы, появилась новая работа. Хоть и не прапорщик, как раньше, а простой охранник на строительном складе «Зоринки», но все же лучше, чем редкие подработки на товарной станции.

Казалось, жизнь уже кончена. Но встреча с Мариной каким-то волшебным образом встряхнула его и заставила посмотреть на себя по-другому. А может быть, просто созрел. Сам. Чувствуя, что совсем деградирует и гибнет, общаясь только с синюшными собутыльниками. Возможно, нужен был лишь толчок.

С Мариной потом не сложилось. Она тоже предала. Но Михаил уже практически безболезненно воспринимал такие повороты судьбы. Он как бы запрограммировал себя на недоверие к женщинам. Ну, нет среди этого отродья порядочных особей. Что поделаешь? Или не попала такая. А ставить себе цель: «Бороться и искать! Найти и не сдаваться!» – в данном случае он не собирался.

Сейчас Родина волновало два вопроса. Первый – беременность шестнадцатилетней дочери Дашки, которую в последний раз видел, когда ей было двенадцать. Собственно, к ней он и ехал в этом душном плацкартном вагоне. Второй – что скрывается под зацементированным люком, который он обнаружил на охраняемом им складе буквально перед отъездом. «Зоринка» – старая база. Еще довоенной постройки. А вдруг там бункер Сталина? А что? Между прочим, таких бункеров по российским городам немало. Многие любители истории и даже черные копатели ищут их до сих пор. Только вот на этот раз Михаил будет умнее. Он уже не кинется к начальству с докладом, как в случае с титаном, про который все забыли. Несколько тонн ценного металла лежало там более сорока лет. И никому не было до того дела. Кроме одного предприимчивого проныры. Но когда Родин вывел его на чистую воду, думая, что пополнил государственную казну на несколько миллионов рублей, оказалось, сделал услугу генеральному директору базы Хаджакисяну, пополнив именно его карманы. Тот, правда, выдал Михаилу неплохую премию. Но, будучи немеркантильным, не этого он тогда хотел. Так что теперь действовать станет иначе.

За запотевшим окном вагона мелькал такой же влажный и туманный пейзаж, сливаясь своей картиной со стеклом. Ноябрь не особо красивый месяц. Но именно он оказался для Родина самым ярким за многие годы. Обыкновенный охранник стал на «Зоринке» выдающейся личностью, раскрывшей убийство и хищение. За что и получил прозвище Миша Титан взамен

невыразительному предыдущему, когда его окрестили еще в армии Футляром. А все из-за его особенности раскладывать все по местам, по коробочкам, полочкам и ящичкам.

Родин любил порядок во всем. И что касается вещей, и что – мыслей.

Но сейчас его мысли никак не могли выстроиться в четкий ряд. Шутка ли, несовершеннолетняя Дарья... Дашуня... Маленькая принцесса... Что делать в таком случае? Он совершенно не знал, как поступить. Можно, конечно, набить морду ее обольстителю. Но решится ли таким образом проблема? Похоже, ни Галина, ни старший сын Алексей, сообщивший ему по телефону об этой чрезвычайной ситуации, тоже не знали, что с этим делать. Но с другой стороны, Лешка все-таки позвонил! А это означает, что мнение отца стало для него важно. Потребовалась помощь с его стороны. А значит, вернулось доверие. Жаль, конечно, что на фоне разыгравшегося скандала.

Михаил встал с места и, протискиваясь между многочисленных коленок пассажиров, вышел в тамбур. Жесткий стук колес буквально оглушал, железная сцепка под ногами ходила ходуном, промозгло сквозило, но Родин ничего этого не замечал, выдувая ноздрями едкий дым своей любимой «Астры». Он пытался анализировать случившееся с дочерью, но мысленно снова уходил к тому злосчастному ржавому люку под треснувшей цементной затиркой.

* * *

Аркадий Валерианович Самохваленко проснулся, как всегда, в шесть утра оттого, что проснулось и никогда не отключаемое им радио, заиграв бодрящий Интернационал. Но Самохваленко не чувствовал себя бодрым. Как, впрочем, вчера и год назад. Здоровье пошатнулось сразу после сорока пяти лет. Отпраздновав вполне скромно свой юбилей в кругу нескольких сослуживцев, наутро почувствовал резкую боль в животе. Да такую, что пришлось вызвать «Скорую помощь». Оказалось – язва двенадцатиперстной кишки. После лечения врач посоветовал строгую диету. Как минимум на двенадцать месяцев. Пошутил, мол, на каждый перст по месяцу. Но время прошло, а периодические боли остались. Вот и сегодня опять ныло и свербило, не давая покоя.

Аркадий Валерианович, скрипнув пружинами старого дивана, опустил босые ноги в стоптанные тапочки, оправил полосатую пижаму, перекинул через плечо полотенце, взял картонную коробочку с зубным порошком, щетку с распластанной свиной щетиной и, отперев ключом свою комнату, двинулся в ванную. В такую рань она никем из соседей не была занята, и он беспрепятственно совершил утренний туалет. Затем критично оглядел свое лицо в грязном надтреснутом зеркале, даже язык сам себе показал и, прерывисто вздохнув, словно старик, вернулся в комнату. Да, годы берут свое. Он уже не тот резвый двадцатитрехлетний попрыгун, когда в февральскую революцию кинулся из родного села в город посмотреть, что же происходит. Да так там и осел, устроившись работать на текстильную фабрику и жить в бараке с такими же многочисленными искателями лучшей жизни. Ему это больше пришлось по душе, чем столярничать с отцом.

А что потом? А потом осенью семнадцатого года свершилась та Великая Октябрьская. Когда все заводы и фабрики стали принадлежать, согласно лозунгам, рабочим. А значит, и ему – молодому подмастерью Самохваленко! А не какому-то там фабриканту-единоличнику. А землю, соответственно, отдали крестьянам. Родители его по-прежнему жили в селе, но совершенно не знали, что делать с отданной им землей. В городах и селах творилась смута. Господа, кто успел, свалили за границу. Кто в Париж, кто в Харбин, а кто и в Америку. Те же, кто не успел или решил остаться, ожидали экспроприации имущества или просто расстрела. Аркадий же сразу для себя определил не оставить молодое Российское государство в беде и помочь ему хоть чем. Он был молод, здоров, коренаст и горел энтузиазмом. Потому и решил вступить

в РКП (б), то есть рабоче-крестьянскую партию большевиков, а затем и в организованную в декабре ВЧК, оставив свою фабрику.

В те смутные времена принимали туда практически всех желающих. Но с одним условием. У тебя должно быть соответствующее генеалогическое древо, на ветвях которого не должно быть ни одного порченого листика. А именно: у тебя в роду нет никого «из бывших». Ни графьев, ни князей, ни даже купцов первой гильдии. И тут как раз Самохваленко мог гордиться своим прекрасным происхождением из простого крестьянского рода, живущего в вечной бедноте и голодухе. Короче, кандидатура – что надо.

С превеликим рвением Аркадий принялся изымать у бывших господ их фамильные ценности, уплотнять их родовые имения такой же босоногой беднотой, как и он сам, раскулачивать кулаков и расстреливать на месте по закону революционного времени несогласных с постановлением, подписанным самим Лениным, который заменил многим недавно верующим Бога. Честно сказать, Аркадий еще в детстве не очень-то любил заходить в местную сельскую церквушку. Скучно там было. Но набожная мать постоянно таскала его с собой на воскресные службы. А уж про всяческие там христианские праздники и говорить нечего. Аркадий же всегда искал удобный случай улизнуть от нее или просто закосить под больного. Потому-то он с большим пониманием отнесся к изречению Великого вождя о том, что религия – это опиум для народа. И впоследствии всегда немного сожалел, что не удалось ему прибить какого-нибудь попа, как повезло его некоторым коллегам. В общем, Самохваленко был честным и порядочным чекистом, абсолютно соответствующим той эпохе. Но случилась с ним непредвиденная история, которая поколебала в нем доверие к самому себе.

Одним скверным днем он попросил у начальства разрешения съездить в родные пенаты повидаться с родителями и двумя младшими сестрами. Начальство позволило, но попутно нагрозило работой.

– Слушай, раз уж туда едешь, проверь-ка заодно своих местных зажиточных. Там у вас, кажись, кто-то из графьев имение держал. Не ошибаюсь?

– Точно. Сутуловы тама. Ну и память у вас, товарищ Тупин!

– Не тама, а там. Учись, Аркашка, правильно говорить. По-городскому. Ты ведь к тому ж представитель власти. А значит – лицо государства. Так вот, тряхни ты их получше, мать их ети. До них, похоже, еще не добрались как следует. Эти Сутуловы там осели, прикинувшись сочувствующими нашей революции. Но я таким не доверяю. Ты – парень хват, зараз вытрясешь с них припрятанное. А уж они-то припрятали, не сумлевайся.

– Думаете, плохо потрошили?

– А чего хорошего? С них к нам поступили сраные иконы, правда оклады были хороши, ну, золотишка немного, как водится. Чего там еще? Ну, бусы всякие. Сейчас уж не вспомню. Да опись искать лень. Вон у меня их сколько по нашей губернии. Гора. Но помню, что мало. Мало, Аркаша, взяли. Неважно хлопчики потрудились. Особняк почистили, а вот в имение так и не наведались. А эти буржуи, скорее всего, как раз там и попрятали свое добро. Так что порой, покопай. Глядишь, еще казну государственную пополним.

И, преисполненный чувством долга и патриотизма, Самохваленко поехал в свое село, купив недорогих гостинцев для семьи. Матери – платок с длинными кистями, отцу – табачку кисет, а сестре – леденцов пригоршню да четыре кренделя с маком и сахаром – это уж на всех.

Встретили героя, как полагается: слезами радости, четвертью самогонки, гармошкой и заздравными тостами. Вечер отгуляли неплохо. Но утром Аркадий, похмелившись ковшиком бражки, отправился на дело.

Каменный одноэтажный дом с широкой деревянной верандой господ Сутуловых находился неподалеку от церкви. На пригорке красовался. Это был их так называемый летний выезд. Родовое имение. Зимой же они проживали в городе, в небольшом особняке, который

ныне большевицкая власть определила под зал своих заседаний. А графьями, как выразился товарищ Тупин, Сутуловы никогда и не были.

Глава многочисленного семейства, состоящего из жены, четырех детей, престарелых родителей с обеих сторон, да еще двоюродной сестры, у которой погиб муж, оставив ее с малолетней дочкой на руках, был всего лишь городским чиновником высокого ранга дворянского сословия. К тому же нельзя было обойтись без кухарки и прачки. И, пытаясь прокормить всю эту ораву, никаких особых ценностей сроду не имел, кроме вышеперечисленных тем же Тупиным. А потому уехать из России с таким багажом из иждивенцев и за неимением средств не считал возможным. По наивности своей решил, что его многолетний опыт на руководящем посту может пригодиться в любых условиях. Но он ошибся. Руководили теперь другие и совершенно по-другому. И теперь, лишенный городского жилья, он проживал на даче, организовав в своем бывшем имении школу для сельских ребятишек. Там Сутулов был за директора, за учителя, за завхоза и даже за дворника. От нового же государства получал мизерное жалованье. Хорошо, позволили еще огород выращивать, на котором теперь трудились все домочадцы, чтобы не протянуть ноги с голоду.

Аркадий, еще издали заметив ровные ряды грядок с аккуратно подвязанными помидорами и огурцами на высоких колышках, мысленно поморщился. Вот как были буржуями, так и остались. Что ты, мать твою, даже сорняков нет! «Чистоплюи херовы! – подумал он, машинально расстегивая кобуру с «наганом». – Ну, ща я вам устрою поминки по шикарнейшей жизни. У меня не забалуешь!»

* * *

Выйдя на перрон, Михаил огляделся в поисках сына, который обещал его встретить. Суетливая толпа из приехавших и встречающих с чемоданами и баулами быстро рассеивалась, но Алексея он так и не видел. И только когда станция практически опустела, заметил одиноко стоящего худощавого парня возле входа в вокзал. Всего четыре года разлуки, но какие перемены во внешности! Теперь он не мальчишка-подросток, а вполне молодой мужчина. Высокий, статный, с серьезным взглядом, которым пристально смотрел прямо на него. Узнал. Но не двинулся с места. Видимо, ожидая, что отец подойдет сам. Наверное, до сих пор таит обиду. И Родин, махнув сыну рукой, еще острее почувствовал свою вину и двинулся к нему.

Алексей, оттолкнувшись спиной от каменной колонны, вальяжной походкой вразвалочку пошел навстречу. Как бы нехотя, из одолжения. Что ж, юношеский максимализм извечен. Тем более в данном случае. При разводе родителей дети, как правило, ни при чем. А Родин сам дал им повод принять сторону матери. Нельзя было так падать духом, нельзя было самоустраиваться, а уж тем более так по-черному бухать. Вот и результат. Он – снова виновник, а не жертва обстоятельств. Но Михаилу не было обидно, он все прекрасно понимал. Главное, не упустить шанс и дать понять своим детям, что он достоин их внимания и любви.

– Ну, здорово, батя, – чуть скривился в улыбке Алексей и протянул руку для пожатия.

Михаил слегка дернул его за некрепкую ладонь на себя и, обняв за плечи, похлопал по спине, ощущая, что на глаза наворачиваются слезы, с которыми сложно справиться.

– Здравствуй, сын, – прерывисто выжал он из себя, продолжая все крепче сжимать его в объятиях.

Алексей не сопротивлялся. Просто напрягся, не желая поддаваться этой запоздалой родительской ласке. Родин почувствовал это, отодвинул от себя парня, держа за плечи, и заглянул ему в глаза:

– Ну, ты как, Алешка?

– Да так, нормально, – потупился он.

– Учишься? Или в армию идешь? – спросил Михаил, стыдясь того, что не знает о сыне таких элементарных вещей.

– В политехнический поступил, – вывернулся он из-под рук отца и медленно зашагал к вокзальному выходу.

– М-да, у кого ни тех, ни тех, тот идет в политех, – решил пошутить Михаил и осекся. – Да это в наше время поговорки такие были. А у кого стыда нет, тот – в мед.

– А у кого в руках навоз, тот – в сельхоз, – не обидевшись, усмехнулся Алексей.

– Точно. Значит, и среди современной молодежи это знают. Уроки пращуров, получается, не пропали даром.

Выбрав этот полушутливый тон, Михаил не ошибся. Именно так он и общался с сыном раньше. Никогда всерьез не ругал. Всегда подбадривал. И разговаривал с ним на равных, не показывая своего превосходства, в отличие от строгой Галины.

– Ага, – кивнул Алексей. – А что, у тебя никаких вещей с собой?

– Все, что мне надо, у меня в карманах. Деньги и сигареты. Правда, пытаюсь бросить. Пока плохо получается. А ты куришь?

– Нет. Пробовал. Не понравилось.

– Хвалю. Молодчина!

Они уже шли к автобусной остановке, а Михаил так и не собрался с духом задать Алексею главный вопрос, ограничиваясь стандартными фразами. И тот, словно поняв отцовскую нерешительность, сам начал разговор:

– Короче, тут такая байда с этой Дарьей! Я даже не знаю, что делать, – вдруг резко и горячо начал он, словно вырвалось из него все накипевшее и наболевшее. – Я бы, честно, этому уроду ноги бы вырвал. Да и ей заодно! Мать вообще в какой-то ступор вошла. Толку от нее никакого.

– Леш, ты поаккуратнее про мать-то. Это как-то...

– Да чего тут менжеваться, и вообще, я теперь все про вас с ней знаю. Так что нечего тебе в благородство играть.

– А при чем тут твои знания? Уважение к матери еще никто не отменял, – спокойно подметил Михаил, думая, чего же такого и от кого мог узнать Алексей. Очень хотелось спросить о Самойленко, к которому тогда ушла Галина, обещая этим человеком заменить детям отца. Но он посчитал это ниже своего достоинства. Если надо, Алешка сам расскажет. А нет, значит, и смысла в том нет никакого.

– Да ладно, – отмахнулся Алексей. – Я бы и сам, может быть, справился с этой ситуацией, вот только Дашка молчит как рыба. Мы даже не знаем, кто он такой. Этот педофил чертов!

– Тогда откуда ты знаешь, что он ее намного старше?

– Ну, вот только это она и сказала. Мало того, женатый. На молоденьких девочек, блин, потянуло. Я подумал, что ты лучше во всем разберешься. Вернее... Ну, в общем, мать обмолвилась, что, мол, был бы у вас нормальный отец, разобрался бы.

– Понятно. А самому, стало быть, моя помощь не нужна?

– Не, ну, с тобой мне и на самом деле лучше будет, – поспешил исправить положение Алексей. – Пошли. Вон наш автобус. Уж вдвоем-то мы ему получше наподдадим! Не забыл еще свое самбо? Все-таки ты мастером спорта был, – с уважением в голосе подчеркнул Алексей.

Они сели сзади на свободные места. Оттуда как раз и начала сбор денег пожилая кондукторша. Михаил расплатился за билеты и, хлопнув сына по острой коленке, спросил:

– То есть твоя тактика – банальное избиение?

– А чего церемониться? Ты знаешь другие методы?

– Да, пожалуй, их масса.

– Угу, в суд подать, – саркастически ухмыльнулся парень.

– А чем не метод? Зато сам под суд не попадешь, – резонно подметил Михаил, напоминая себе учителя младших классов. А ведь и впрямь Алексей еще совсем мальчишка. Его учить и учить. Постоянно быть рядом. Сколько упущено. Вроде взрослый, а рассуждает, как ребенок. А чего можно было ожидать, если его воспитанием занимался подонок Самойленко?

– Знаем мы эти суды. Кто больше заплатит, тот и выиграет. Все просто. А потом еще и Дашку обвинят, что она же его и совратила. И кучу свидетелей найдут. Что, разве не так?

– По-моему, сынок, ты слишком много смотришь телевизор. В основном там именно так и рассуждают.

– При чем тут зомбоящик? Вообще-то все нормальные люди всю информацию из Интернета черпают. Ты отстал от жизни, отец, – напустив на себя важности, пояснил Алексей.

Но Михаил пропустил мимо ушей эту критику. Главное, парень назвал его отцом, до сего момента пробрасывая лишь панибратское «ты».

– По-твоему, Интернет не зомбирует? – усмехнулся Родин, запустив пятерню в непослушную челку Алешки и слегка потрепав. – Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, самые главные знания мы получаем от жизни, а не из электронной техники. Ты можешь искать там ответы, но правильные ли вопросы тебя интересуют? Вот в чем проблема. А жизнь всегда правильно поставит перед тобой задачу и сама же даст нужный выход. Просто необходимо быть терпеливым, внимательным и не горячиться. Хотя я, наверное, не имею особого права тебя учить. Сам дал маху.

Алексей нахмурил брови. Было заметно, он переваривает услышанное. Разговаривал ли кто с ним на такие серьезные темы за эти годы? Галина всегда занята бытом. Обед и стирка у нее на первом месте. Самойленко? Тут и говорить нечего. «Кстати, а куда я сейчас еду? – спохватился про себя Родин. – В свою бывшую квартиру, где живет моя бывшая жена со своим новым мужем? И как это будет выглядеть? Все-таки стоит спросит об этом у сына».

Но тот опередил его, будто почуял напряжение. Все-таки родная кровь есть и единение душ.

– Да нет, пап. Ты не виноват. Я теперь это знаю. Скорее я виноват, что правильно во всем не разобрался, – глядя себе под ноги, заговорил Алексей. – Я ведь что слышал? Ты – алкаш, безответственный человек, не заслуживающий уважения, ты...

– Но ведь так оно и было, – прервал его Родин, тоже разглядывая свои ботинки.

– Так, да не так, – горячо возразил Алексей, защищая его от него самого. – Не наговаривай на себя лишнего. На тебя и так много наговорили. А знаешь, чего именно?

– Сынок, сплетни и пересуды меня никогда не интересовали. Не интересуют и сейчас. Спрошу все-таки об одном: мать хотя бы счастлива с твоим отчимом?

– С отчимом?! – неожиданно громко воскликнул Алексей. Даже несколько пассажиров обернулись в его сторону. – С этим идиотом Самойленко?! Ты о чем говоришь?

– Тише, тише, – попытался охладить его пыл Родин, снова похлопав сына по коленке.

– А чего тише? – все-таки сбавил тон Алексей. – Она уж два года как с ним развелась. Ты ведь ничего не знаешь. Вышибла его поганой метлой. Еле отделались. Он ведь прямо придурок лагерьный. Я вообще не понимаю, как мать могла на него запасть?

– А может быть, он на нее? – тихо подметил Михаил, вновь переживая то злосчастное время.

– Да знаю я все, батя. Чего уж там. Знаю, что мать виновата в вашем разводе. И что пить ты начал из-за этого. И из-за того, что тебя этот гад вместе с новым начальником подставил. Я это, правда, узнал совсем недавно. Дочка прапорщика Салова рассказала Дашке все, как было. Я даже с матерью тогда сильно поругался.

– А Салов все так и служит в части? – спросил Михаил, чтобы уйти от неприятной ему темы.

– Да. А куда ему еще-то деваться? В нашем городе, сам знаешь, мужики либо военные, либо алкаши. Ой, прости, это я не о тебе, – спохватился Алексей и, словно оправдываясь, вновь перешел к наблевшему: – Да если бы со мной так поступили, как с тобой, я бы всех пострелял, наверное!

– Ну, а ты? Если не пошел по военной тропе, тоже алкоголиком станешь? – снова попытался перевести разговор в другое русло Родин. – Ты ведь в политехнический институт поступил. Не в Суворовское училище.

– А вот закончу его и уеду отсюда. Я уже так для себя решил.

– И насколько далеко ты наострился?

– А хотя бы к бабке в Москву. А что? Не прогонит, надеюсь. Ты, кстати, когда ее в последний раз видел?

– Давно, Алеша. Даже стыдно признаться, – качнул головой Михаил, прикидывая, что даже по телефону с матерью разговаривал года полтора назад.

– А я в прошлом году к ней летом ездил. Мне столица очень понравилась. Не то что тут у нас – Мухосранск задолбанный.

– Разве можно так о своем родном городе, сынок? Ты ведь тут родился. А где родился, там и сгодился. Нет?

– Ты рассуждаешь, как древний старик, честное слово.

– Не я, народная мудрость. Ну, давай немного поподробнее поговорим о твоей сестре. А то как-то все в общих чертах. Ты даже предположительно не знаешь, что там за мужик такой? Где она с ним познакомилась? Сколько ему лет? Где живет? Чем занимается? Я ведь должен перед разговором с ней быть хоть немного проинформирован, – снова решился заговорить о главном Родин, видя, что сын ему вполне доверяет. Приятно стало на душе, чего уж там, что раскрылась вся правда для Алексея. И теперь он почти реабилитирован в его глазах. Почти. А потому надо закрепить свой авторитет. И он постарается все сделать как надо. И по закону, и по совести.

– Ты думаешь, Дашка все прям так и рассказала? Мы с матерью понятия не имеем, что там за фрукт. Я потому тебя и вызвал. Может быть, она хотя бы тебе все свои секреты откроет. Ну, не частного же детектива нанимать.

– А как тогда вы узнали о ее... ну, положении?

– Сама сказала. Вот так пришла и заявила: «Я беременна. Скоро буду рожать. Готовьтесь стать бабушкой и дядей». Мать в ужасе, конечно. Я тоже охренел. Спрашиваю: кто отец? А она говорит, всему свое время. Потом узнаете. Сказала только, что он старше ее на двадцать лет и пока не хочет на ней жениться, поскольку уже женат. И больше из нее клещами ничего не вытянешь. Мать предлагала поговорить с ним, но Даша ничего и слышать об этом не хочет. Считает, что сама во всем разберется. Она, видите ли, его любит и верит, что он будет с ней. Ну не дура, ты мне скажи?

– Не знаю, что и ответить, Леха. Любовь – дело тонкое, как Восток. Тут надо ко всему отнестись аккуратно и с пониманием. Вот мы сейчас нахрапом пойдем, а она потом себе вены вскроет.

– А что ты предлагаешь? – немного помолчав, спросил Алексей, явно проникшись сказанным.

– Вот я с ней поговорю, и решим. Тем более уже подъехали. Кстати, Даша знает, что я должен приехать? – поинтересовался Михаил, протискиваясь к выходу через плотную шеренгу пассажиров.

– Не-а. Для них с матерью это сюрприз, – довольный собой, ответил ему в затылок Алексей.

– Как? Они не знают о моем приезде?

Родин даже остановился посреди площадки, обернувшись на сына. А может быть, Галина вообще его на порог не пустит. Да и Даша даже видеть не захочет. Вот так сюрприз!

– Мужчина, вы выходите? – резко каркнула сухопарая старуха, бойко оттесняя его с прохода.

* * *

«Наган» приятно охлаждал руку. Аркадий Самохваленко любил оружие. С ним ничего не страшно. И тебя все боятся, когда тряхнешь им перед мордой вот такого вот Сутулова и ему подобных. «Смотри-ка, развели тут сад-огород, как в парке прямо. Ни травинки, ни соринки. Поди, опять на них кто-то из наших односельчан батрачит. Ненавижу этих гадов!» И, разжигаемый классовой ненавистью, Самохваленко прибавил ходу.

В этот момент из усадебного дома вышла женщина лет тридцати пяти в широкополой соломенной шляпе. На вид барынька, да и только. Похоже, овдовевшая невестка хозяина. Однако, поддернув подол длинной юбки, она направилась к грядкам, еле оторвала от земли тяжелую лейку и стала поливать густые кусты еще несозревших помидоров. Аркадий спрятался за толстый ствол старой березы и стал наблюдать за происходящим. Ему еще ни разу не удавалось видеть, чтобы кто-то из господ занимался земледелием. А уж тем более баба.

Через минуту вышла еще одна. Совсем молоденькая. Лет восемнадцати. В светло-розовом платье и тоже в шляпке, из-под которой выбивалась недлинная русая косичка. Кажется, Аркадий узнал ее. Это одна из дочерей самого Сутулова. Когда-то он заглядывался на нее, будучи подростком. Ей в то время не больше одиннадцати было, когда обратил на нее внимание. Что и говорить, настоящая красotka. И зовут ее Анной. Он тогда и помыслить не мог, чтоб заговорить с ней. А уж тем более подружиться. Он на воскресной церковной службе на нее тайком косился, да только Анна его совершенно игнорировала. А теперь вот гляди, как все поменялось! Запросто можно подойти, да еще и арестовать, если сочтет нужным. А может, и еще чего! Это уж как захочется. Теперь эта семейка в его полной власти.

Между тем девушка взяла тяпку и принялась рыхлить землю, которую полила ее тетка. «Ну не дура ли?! Кто ж так делает? Это называется – грязь месить, – усмехнулся про себя Аркадий. – Пойти, что ли, сказать, как надо». Но тут же опомнился. Не за тем он сюда явился.

– Аннушка, ты тут пока не пуши землю. Надо подождать, пока подсохнет, – словно прочитав его мысли, окликнула ее тетка. – Лучше картошкой займись. Там сейчас сухо.

– Хорошо, тетушка, – кивнула та и послушно двинулась походкой павы к картофельному полю.

Значит, она. Анна. Ишь ты! В крестьянки заделалась. Ладно, господа крестьяне, сейчас мы вас самих попушим. И Самохваленко, выйдя из-за березы, сдвинул пониже на лоб козырек и уверенной походкой направился к справной калитке дома Сутуловых.

* * *

– Ты считаешь это хорошей идеей? – внимательно посмотрел на Алексея Родин, спустившись вслед за ним со ступенек автобуса.

– Да какая идея? Ну, просто не поставил их в известность. А что, я не в праве самостоятельно принимать решения? – с возмущением в голосе спросил Алексей. – Да пойдем же. Чего стоишь?

– Если ты живешь не один, а в семье, то и решать нужно все сообща. По-моему так. Во всяком случае, раньше у нас так и было, если не забыл, – не двигаясь с места, отрезал Михаил.

Он понимал, что еще не время лезть со своим запоздалым воспитанием к сыну, но дело заворачивало на крутые виражи. Если сейчас не приструнить Алексея, он совсем разойдется.

Надо все-таки расставлять приоритеты. Как бы там ни сложилось, отец есть отец. Нельзя позволять парню разговаривать с ним в таком тоне, иначе можно совсем потерять авторитет. Либо ты гнешь свою линию, либо в дальнейшем будешь прогибаться сам. И никак иначе!

– А если забыл? – нахально прищурившись, ухмыльнулся Родин-младший.

Похоже, он тоже собрался отстаивать свою территорию, правда, используя при этом не совсем честные методы. Михаил решил сделать вид, что пропустил это мимо ушей, и твердо заявил:

– Так, сынок, сейчас ты берешь телефон и звонишь матери. Предупреди ее о моем приезде. Заодно пусть передаст это и Дарье. Ты меня понял?

Алексей сунул руки в карманы куртки, потупил взгляд и стал раскачиваться на пятках. Видимо, таким образом выражая молчаливый протест. Казалось, еще немного и лопнут, как перетянутая пружина, их вновь едва зародившиеся отношения. Но Михаил не спасовал перед этой угрозой. И не потому, что ему было все равно. Просто, как и всегда, хотелось, чтобы его сын был честным и порядочным человеком. Дай сейчас спуск, и вслед за этим он еще не раз воспользуется в жизни нечистыми приемами. А потому спокойно, но твердо повторил:

– Звони, Алеша, звони.

Тот нехотя достал трубку. Речь его была несколько развязна, но все же:

– Мам, короче, тут отец приехал... Какой, какой – мой родной... Да, это я его вызвал... А потому... Короче, я подумал, он лучше нас решит проблему... Да, рассказал. В общем, мы сейчас с ним идем домой. Ты во сколько будешь?.. Ясно. А эта дома?.. Ну, предупреди ее. Пусть ждет... Минут через десять. Мы уже на остановке.

Разъединив связь, Алексей молча взглянул в глаза Михаилу. Мол, доволен? Тот так же молча кивнул и двинулся в сторону дома, осматриваясь по сторонам. Тут не много что изменилось за эти годы. Разве что некоторые старые деревья в аллее парка, через который они сейчас шли, спилили. А новые так и не посадили. Да лавочки из зеленого цвета перекрасили в ярко-желтый. Первым нарушил молчание Родин-младший, видимо, тяготясь напряженной обстановкой:

– А ты кем сейчас работаешь-то?

– Охранником, – лаконично ответил Михаил, отбросив носком ботинка жестянку из-под пива, валявшуюся посреди дороги. Звякнув, она приземлилась аккурат возле урны.

– Это в смысле сторожем?

– Нет. В смысле охранником.

– А в чем разница?

Парень явно хотел взять реванш, снова пытаясь поставить себя выше отца. Тому это очень не нравилось. И он решил сразу расставить все знаки препинания:

– Разница в названии. Послушай, Алексей, ты меня для чего позвал? Ради помощи или просто захотелось поглумиться надо мной? Если первое, то я для того и приехал. В другом же случае лучше поупражняйся в своем острословии с приятелями. Если, конечно, не боишься, что тебе набьют морду. Давай сразу условимся, мы – родные люди, а не львиный прайд, где тон задает сильнейший. Или мы тут с тобой будем членами мериться? Имеешь на меня какие-то обиды, выскажи все разом. Только не надо вот так щипаться, как девочка-первоклассница. Мужчине это не к лицу. Согласен?

– Да не, я ниче, – выдержав некоторую паузу, смущенно ответил Алексей. – Извини. Ты прав. Не знаю, чего на меня нашло. Понимаешь, не просто было с этим Самойленко. Да и мать какая-то истеричная стала. Раньше такой не была. А ты... нет, ты не виноват. Это все они с тобой сделали.

– Нет, сынок, – прервал его сумбурное объяснение Родин, – я виноват. – Нельзя было вот так бездарно принять удар судьбы. Пусть даже такой мощный. Если бы все вернуть... Да

чего уж там говорить. Мы часто так потом думаем: «Вот если, если»... А если бы у бабушки имелись яйца, она была бы дедушкой.

На эту шутку Алексей отреагировал неожиданно бурно. Вдоволь нахохотавшись, похвалил отца:

– Мне всегда нравилось, что ты остро и в точку все подмечаешь. Да еще с таким серьезным видом! Эта прибаутка, конечно, с бородой, но у тебя это очень смешно вышло. А у меня вот нет такого чувства юмора.

Напряжение между ними разрядилось, и теперь они уже разговаривали так, словно не было ничего плохого, не было разлуки, обиды и недоверия.

Лифт не работал. Пришлось подниматься пешком.

– Хорошо, что мы на четвертом живем, а не на одиннадцатом, – подметил Алексей, слегка запыхавшись.

Родину же слегка резануло по сердцу Лешкино «мы». Он теперь к этому не имел отношения. Раньше было «мы». А теперь «он» и «они». Котлеты отдельно, мухи отдельно. Только вот кто котлеты, а кто мухи, так и осталось непонятным. И он хорош, и Галина дров наломала. А ломать – не строить. Похоже, оба на обломках оказались. Между тем Алексей вставил ключ в замочную скважину, но повернуть не успел. Даша, словно карауля под дверью, сама ее распахнула. Для Михаила было полной неожиданностью, что дочь, даже не дав себя разглядеть, буквально бросилась к нему на шею. Безмолвно, без вскриков. Да так и повисла на нем, поджав ноги, как в детстве. В рост вытянулась, но все такая же худенькая, невесомая. Все тот же ребенок в коротеньком халатике. Какая беременность, к черту?!

Михаил неловко поцеловал ее в макушку. Ураган воспоминаний ворвался в сердце, заставив его биться учащеннее. И будто не кровь оно гоняло, а накопившиеся за эти годы слезы, которые так и норовили хлынуть из него наружу. Еле сдержался, чтобы не напугать дочь:

– Дарья, ты мне так шею сломаешь, детка. Ну, дай я хоть посмотрю на тебя.

Она спрыгнула, слегка толкнула его в грудь, отстраняясь, и серьезно посмотрела в глаза:

– А ты постарел, папка. Ну... так... немножко.

– Ты тоже, – улыбнулся Михаил.

Даша кокетливо хихикнула, поправив прядку своих непослушных соломенных волос, и смешно поморщила носик.

– Ну, может, мы все-таки зайдем? – подал голос Алексей. – Иди хоть чайник поставь.

– Уже, – недовольно буркнула она и ушла на кухню.

– Что ты так грубо с ней? – сделал замечание Михаил, снимая ботинки все на том же полосатом половичке. Здесь вообще ничего не поменялось. Во всяком случае, в коридоре. Та же обувная тумбочка, только теперь с покосившейся дверцей. Те же обои на стенах, но подвыцветшие, та же рогатая вешалка.

– А как с ней еще? Устроила тут нам всем, – как старичок запричитал Алексей. – Мало у людей забот. Всем вот только и надо с ней возиться.

– Ладно, не ворчи, разберемся, – хлопнул его по плечу Михаил, прекрасно понимая, откуда у сына этот тон. Одному среди баб, да еще и не особо толковых, конечно – не сахар.

Они прошли на кухню. Даша, довольная собой, сидела за столом, положив ладошки на колени, как примерная ученица. На столешнице стояли три дымящиеся ароматным кофе чашки из, так сказать, фамильного сервиза, который Галина раньше доставала исключительно для гостей. Шутка ли, кузнецовский фарфор! От бабушки достался. Кроме того, на большой овальной тарелке того же Кузнецова высилась гора бутербродов с колбасой и сыром. Рядом – салатник с крупно нарезанными помидорами и огурцами.

– Ну, просто слов нет! Великая кулинарка! – снова подковырнул сестру Алексей. – И когда только успела такие шедевры настрогать?

– А ты и такого не можешь, – надулась Дарья и отвернулась к окну с грязными стеклами.

– Так, ребята, заканчивайте перепалку. Молодец, дочка. Я горжусь тобой, – шутливо заговорил Михаил, присаживаясь за стол. – Только я не молодец, с пустыми руками заявился. Ну, ничего, к обеду исправим положение.

– Пап, ну что ты говоришь! – горячо возразила она, забыв про обиду. – Ты вот нам денег прислал. Я себе такой телефон классный купила! Вот, смотри, – и она достала его из кармана, протягивая отцу.

– Дашутка, да я в этом ничего не смыслю. Честно. Я тут, как это у вас говорят, полный лоховина. Ну, белый. Красиво. Вот и все, – пожал он плечами и стал с удовольствием пить из хрупкой чашки ароматный напиток.

– Что, до такой степени? Это же смартфон, папа! – искренне удивилась дочь. – У меня с матерью из-за этого целая война вышла. Она говорит, сапоги купи на зиму и новый пуховик, а я лучше в старых похожу еще сезон, зато вот с такой мобилой!

– Что ж, намек понял, – кивнул Родин, беря бутерброд с сыром.

– Нет, ты не так подумал. Я – о другом, – энергично закрутила головой Дарья.

– Вот именно, давай о другом, – подметил Алексей, делая особое ударение на последнем слове, и, наконец, тоже подсаживаясь к столу. – Тебе ведь понятно, почему отец здесь?

Даша снова надула губки и замолчала, опустив длинные ресницы.

– погоди, сынок, попей кофейку. Успеет еще. И вообще, чего вы тут как-то не по-братски общаетесь? Раньше такого не было. Вы – самые близкие люди, а как в террариуме, ей-богу. И с матерью, как я понимаю, сплошные терки?

Алексей выдержал недолгую паузу и, прерывисто вздохнув, выдал с некоторым вызовом:

– А ты как думал? Раньше все по-другому было. А теперь так, как сейчас. И вообще, они обе, по-моему, не в адеквате.

– Можно подумать, ты у нас самый умный, – нарушила молчание Дарья. – Он, видите ли, в институт поступил. Что ты! А работать не пробовал?

– А ты? Или только ноги раздвигать научилась?

– Так, тихо! – прихлопнул ладонью по столешнице Родин. – Это уже никуда не годится. Ты, Алексей, успокойся. Мы с Дашей обязательно поговорим. Но, если ты не возражаешь, с глазу на глаз и немного позже. Вот только все бутерброды съедим.

Дочь, уловив иронию отца, тут же демонстративно схватила сразу два и стала запихивать их себе в рот. Кусок колбасы свалился на пол. Но она не обратила на то внимания и ожесточенно жевала. Михаил наклонился. Поднял толстый кругляшок докторской, дунул на него и положил рядом с собой.

– М-да, красиво жить не запретишь.

– Значит, мне уйти? – с явной обидой в голосе спросил Алексей.

– Нет, – качнул головой Михаил. – Бутерброды ведь еще не доели.

– Ладно, вы тут доедайте, а мне в институт пора. Это ведь только у нашей красавицы сейчас каникулы, – напуская на себя важность, сказал Алексей, вставая с места, но тут вдруг усмехнулся: – Да, отец, шутки у тебя все те же. Давай, до вечера, – и, уже нисколько не обижаясь, протянул руку для пожатия.

Михаил тоже встал. Тряхнул его ладонь:

– Пошли, сынок. Я провожу.

Вышли в коридор. Алексей надел куртку, влез в кроссовки, стал зашнуровывать.

– Не холодно сейчас в таких? – по-отечески спросил Михаил и, достав из кармана деньги, протянул сыну: – На, купи себе чего-нибудь посезоннее.

– Да не надо, у меня другие есть, – выпрямился он, отстраняя его руку. – Лучше, правда, Дашке дай на сапоги. А то она с этим смартфоном про зиму даже не подумала.

И Михаил облегченно вздохнул. Значит, не все потеряно между братом и сестрой. Вот и отлично. А то уж напугали своими перепалками. Да, отвык он от таких семейных отношений. Так сразу и не разберешься в мелких передрягах.

– И ей дам, не волнуйся. Ну, держи.

* * *

Самохваленко толкнул калитку. Незапертая изнутри, она бесшумно отворилась, и он ступил на землю бывших господ Сутуловых. Никогда раньше тут не был. Слышал только от других, что здесь всегда очень чисто и собаки бегают по территории. Породистые. Борзые, кажется. Или легавые. Хозяин охоту любил. Только сейчас в его поле зрения никаких собак не наблюдалось. Вот и хорошо. Не хватало еще, чтоб тыпнул кто. Но «наган» все-таки держал наготове.

Первой его появление заметила тетка. Чуть сдвинула на затылок широкополую шляпу и стала пристально следить за приближением незваного гостя. Аркадий понимал, что его кожаная фуражка на таких, как она, действует неблагоприятно. А чего хорошего им ждать от чекиста?

Одни неприятности. Оно и понятно. Но Анна, поглощенная своим трудоемким занятием, пока так и не увидела его. А ему хотелось покрасоваться именно перед ней. Перед этой неприступной кралей. И он, ступая по каменной дорожке, нарочито громко кашлянул в кулак. Анна обернулась и внимательно, даже с опаской во взгляде посмотрела на Самохваленко. И что странно, обе женщины совсем не обращали внимания на «наган» в его руке, как если бы мужчина в первую очередь заметил именно это – угрозу, и уж в последнюю очередь стал бы вглядываться в лицо врага. Аркадий почувствовал, что оружие выглядит тут среди глупых баб не совсем уместно, и решил пока убрать его в кобуру. И вообще, куда делась его уверенность, которой он был преисполнен пять минут назад? Смятение, зародившееся так неожиданно, как будто сделало его снова обыкновенным крестьянским мальчишкой, который всегда робел и конфузился при своих господах. Это ему сейчас совершенно не подходило. И Аркадий совсем сбился с мысли. Зачем он тут? Что говорить этим барынькам, которые его так внимательно изучают? А может быть, они все-таки узнали его? Как-никак столько лет в одном селе прожили. В одну церковь ходили. И все, что пришло ему в голову, когда он подошел совсем близко к удивленным и немного напуганным женщинам, сказать стандартное: «Ваши документы!» И тут же понял, что это тоже как-то неуместно и глупо. И вдруг, абсолютно неожиданно для себя услышал от Анны:

– Аркадий, это вы, если не ошибаюсь? Извините, не помню вашего отчества.

И она, вопреки всем его ожиданиям узнавшая его, вдруг улыбнулась. От чего стала еще красивее. Даже на какую-то сказочную фею похожая, о которой в детстве рассказывала на ночь мать. Хрупкая фигурка в светлом платье с кружевами на маленькой груди, растрепавшаяся косичка, что теперь выбивалась из-под шляпки светлыми локонами, и эти необыкновенной синевы глаза.

– Валерьянович, – ответил Аркадий, не узнав собственного голоса. И опять кашлянул. Только теперь не притворно. В горле на самом деле запершило.

– Ах, ну да! Сын Валерьяна Савельевича, – подсказала тетка, слегка хмурясь в отличие от племянницы.

– Да, конечно же, – слегка склонила голову Анна. То ли в знак согласия, а то ли выражая почтение.

Вот так номер! Они знают и его отца, который всего лишь столяр. А может, когда мебель у него заказывали? Или просто дверь или ставень какой в доме подправить? Неожиданно. А вот он – Аркадий, даже не помнит, как самого Сутулова звать, не то чтобы имя этой вот тетки. И почему он сразу не поинтересовался их именами еще там, в кабинете товарища Тупина?

Непрофессионально получается. Да и не по-людски как-то выходит. И от того Самохваленко совсем впал в настоящий ступор. Вот что им сейчас предъявлять? «Лицом к стене или мордой в пол»? Но как все же хороша эта чертовка Анька! И она, словно почувствовав его конфуз, улыбнулась еще обворожительнее, теперь уже показав ряд безупречных белых зубов, и проворковала:

– Не желаете ли чаю, Аркадий Валерианович?

Ну, это уж совсем ни в какие ворота не лезет! Какой чай, если он сюда чуть ли не арестовывать их пришел. Но, тем не менее, неожиданно для себя самого, будто заколдованный этой сказочной феей, Аркадий пожал плечами:

– Чаю? Ну, можно и чаю.

– Что же, Лидия Васильевна, пойдемте в дом. Угостим соседа чаем, – обратилась она к тетке. – А картошка пока подождет. Не так ли?

И, прислонив тятку к корявому стволу старой груши, Анна легкой поступью направилась к крыльцу веранды. Но Лидия Васильевна так и осталась стоять возле своей огромной лейки, с нескрываемым удивлением глядя вслед племяннице. Аркадий же тоже стоял как вкопанный, любуясь Анной со спины. И ощущал, что невероятно хочет ее. Прямо сейчас. Сию минуту! Даже в горле опять пересохло. Он сглотнул слюну и направился за ней, рисуя в своем воображении непристойные картины.

* * *

Проводив до двери сына, Михаил вернулся на кухню. Даша уже справилась со своими двумя бутербродами и теперь пила кофе, манерно отставив в сторону мизинчик.

Он снова опустился на то место, где только что сидел, тоже взял чашку, отхлебнул глоток, поставил и нервно поправил свою непослушную челку. Он совершенно не знал, о чем сейчас говорить с дочерью. Алексей ушел и как будто унес с собой непринужденность обстановки. А Дашка, как назло, молчала и внимательно смотрела на него. Видимо, ждала вопросов. Но Михаил никак не мог собраться с духом заговорить о ее проблеме. Об их проблеме. Как-то совсем неловко себя чувствовал в данной ситуации. Может быть, зря ввязался в это дело? Все-таки это больше к женским проблемам относится. Вот если бы ему сейчас сказали «фас!» – тут все прекрасно. Набил бы морду сволочи или по-другому как разобрался. С ним. Не с ней. А здесь...

– Пап, ты хоть скучал по мне? – наконец нарушила тишину Дарья, продолжая сверлить отца пристальным взглядом.

Только теперь это был взгляд женщины. С хитринкой, пытливый, как рентген. Так только они умеют смотреть. Михаил давно научился это игнорировать. Но тут – дочка. Другой случай. Но, не поддавшись смущению, он открыто ответил:

– Да. Каждый день. Каждый час. Вы оба во мне занозой сидели. И ты, и Алешка. А вы? Ты вспоминала меня?

Теперь ее взгляд резко преобразился, снова став похожим на искренний детский.

– Я – очень! Ты даже не представляешь как! И как я ненавидела этого мерзкого Самойленко! Особенно тогда, когда узнала всю правду. Мне ведь Ленка все рассказала, – горячо и быстро заговорила Дарья, подавшись вперед и жестикулируя руками. – Я сначала вообще ей не поверила. Думала, выдумывает. А потом решила с матерью поговорить. А она не стала. Сказала, что не собирается со мной эту тему обсуждать. Вот тогда я поняла, что Салова не врет. Пап, ты сам мне скажи, как все у вас случилось? Я хочу... Я имею право знать правду из первых рук!

– Уст. Тут правильнее сказать «из первых уст», – поправил Михаил, чувствуя, что, как и Галина, совсем не желает говорить на эту болезную тему. – Только давай лучше поговорим о

чем-нибудь другом. Например, о тебе. Ты мне ничего не хочешь рассказать? Сама. Без моих наводящих вопросов.

– Нет. Пока. Пока мы не поговорим о тебе и маме, – твердо заявила Дарья. – Так что давай, рассказывай, как у вас все вышло.

– Это твое условие?

– Именно, – отрезала она и снова постучала пальчиком по столу.

Теперь Михаилу предстояло и тут не прогнуться. И если с Алексеем все обстояло проще и не требовалось идти на компромисс, то с дочкой было сложнее. Она, конечно, имеет право знать то, что хочет, от своих родителей, а не из чужих сплетен. Но и беспардонно вторгаться в их личную жизнь не должна. Тут у каждого своя территория. С другой стороны, они – родители, хотят услышать от нее признания. Правильно. Имеют пока безграничные полномочия. Но это как посмотреть. В конце-то концов, она также имеет право на свою территорию. Сейчас, разумеется, не времена Ивана Грозного, когда замуж в тринадцать лет выходили, но Дарья уже не совсем ребенок. И даже, возможно, будущая мать. И только она здесь решает, что ей делать. Роды или аборт. А Галина и он могут лишь выбрать для себя: помогать ей впоследствии или оставить на произвол судьбы. В общем, кошмар!

– Хорошо. Только давай договоримся, что условия я твои не принимаю. Из меня плохой рассказчик. Но если тебе важен такой разговор, я готов ответить на некоторые твои вопросы. Если они, разумеется, будут корректными, – обдумав ситуацию, ответил Родин. – Такое предложение тебя устраивает?

– Ладно. Давай попробуем, – насупив бровки, согласилась дочь. – Тогда вопрос первый: правда, что твой начальник... или как это там у вас называется? Короче, он предложил тебе воровать для него со склада какие-то вещи?

– Правда, – лаконично ответил Михаил, чувствуя, что мучительно захотелось курить. Встал. Подошел к старомодному окну, немного приоткрыл двойные форточки. – Даш, ты бы пересела на мое место, чтоб не продуло. Не возражаешь, я закурю? – но тут же спохватился: – Или... Тебе вредно, наверное. Я в подъезд выйду.

– Нет. Ничего страшного. Кури тут. Может, и мне дашь?

– Ты, надеюсь, шутишь?

– Шучу, – едва слышно шепнула она, опустив глаза.

Михаил достал пачку «Астры», с жадностью затянулся, пуская дым в щелку окна. Но холодный воздух погнал его обратно в кухню.

– А где же твой любимый портсигар? – заметила наблюдательная Дарья, так и не пересев за другой край стола.

– Выбросил, – не соврал Родин, ладонью отмахивая от нее дым. – А пепел куда стряхивать?

– Да в фиалки прямо, – указала она на цветочные горшки, стоящие на запыленном подоконнике. – Говорят, это для них хорошее удобрение.

Услышав, как обыденно она это произнесла, Михаил понял, что дочь не шутила по поводу курения. Только этого еще не хватало.

– И часто ты так удобряешь любимые цветы матери? – как бы между прочим пробросил он.

– Не-а. Редко. Не переживай, – полушутливо отделалась от его вопроса Даша. – А почему портсигар выбросил? Я не поняла. Ты же им так дорожил, насколько я помню.

– Перестал дорожить, – мимолетно вспомнил он образ своей первой любимой женщины, которая спустя многие годы оказалась его сослуживицей на «Зоринке». – Это второй вопрос?

– Нет. Это так – любопытство. А на чем я остановилась? Ах да! А правда, что за это твой начальник придумал про тебя дурацкую историю... Ну, вроде как ты с женой Самойленко роман крутил?

– Да.

– И он эту свою подлую придумку в ютьюбе вашей военной части выложил? Так?

– Так, – кивнул Родин, с удовольствием отмечая про себя, что девочка не лишена чувства юмора.

– И тебя за это замполит выгнал. Да?

– Нет, – отрицательно качнул он головой, выпуская дым ноздрями.

– Как нет?! – всполошилась Дарья, округлив глаза.

– Не выгнал, а не продлил контракт, – пояснил он, явно подшучивая над дочерью.

– А, ну какая разница? В общем, ты был изгнан из рая.

– Тогда мне именно так и казалось.

– А сейчас?

– Все в мире относительно, дочка, как сказал великий Эйнштейн. И был абсолютно прав, между прочим. Сейчас я даже рад, что так случилось. Конечно, не таким тернистым путем надо было все это пройти. Но, лишившись райского угла, наверное, сначала надо посмотреть и на ад.

– Ну, ты прямо Лев Толстой! – искренне похвалила Даша. – А говоришь, из тебя плохой рассказчик.

– Это – смотря о чем рассказывать. А тушить тоже в фиалках?

Даша встала, молча взяла из его руки окурок, подошла к раковине, подставила его под кран, из которого капала вода. Окурок шипнул, она бросила его в мусорное ведро и, не оборачиваясь, спросила:

– А у тебя правда с женой Самойленко ничего не было?

– Было.

Даша резко обернулась и посмотрела на отца так, словно он сейчас признался ей в гомосексуализме. Он понял, что в своих неуместных шутках, спасавших его от неприятных воспоминаний, перегнул палку и поспешил пояснить:

– У нас с ней были обыкновенные рабочие отношения. Я ей отчеты по складу сдавал.

– Фу, ну ты не Толстой. Ты – Михаил Задорнов, – облегченно улыбнулась дочь, возвращаясь на место. – Хочешь еще кофе?

– Нет, спасибо. Вопросы закончились?

– Это только начало, папочка, – ехидным голоском проворковало несносное дитя. – Сейчас мы подойдем к самому главному.

– Думаю, не стоит, – нахмурился Михаил, понимая, что теперь она захочет повести речь о Галине. И не ошибся.

– Еще как стоит. Ты вот мне скажи, о чем думала мать, когда так с тобой поступила? Это ведь она пошла от тебя на сторону. Да еще с кем?! С этим же Самойленко!

– Послушай, дочь, эти вопросы ко мне уже не относятся. Я прав? Лучше поговори об этом с ней самой. А еще лучше... Я тебе настоятельно рекомендую: вообще не трогай больше эту тему. Что было, то прошло, – шумно выдохнул Михаил, присаживаясь на табурет. – Давай поговорим теперь о настоящем и будущем. О'кей?

Казалось, девочка его не слышала. Она погрузилась в какие-то свои думы. Судя по выражению ее лица – горькие.

– До-ча, – тихо окликнул ее Михаил, – ты где?

– Пап, все это нечестно, – грустно произнесла она, глядя в пол.

– Что именно?

– Да все. Я хочу, чтобы вы встретились с мамой и нормально поговорили. Она должна перед тобой извиниться.

– За что? За то, что я ее не устроил в этой жизни? Или за то, что полюбила другого человека?

– При чем тут это?! – с возмущением посмотрела на него дочь. – Да за то, что именно она сделала с тобой!

– А что она со мной сделала? – возмутился, в свою очередь, Родин. – Я сам с собой так поступил. При чем тут мать? Я уже и Лешке это сказал. Не надо во всем винить Галину. Может, я был плохим мужем? Ты не допускаешь такой мысли?

– Зато ты был хорошим отцом! – тут же апеллировала Дарья. – А уж из этого Самойленко муж, как из говна пуля! Прости... вырвалось. Ты во всем был лучше. И есть!

Даше вскочила с места и заходила кругами по небольшой кухне, став похожей на маленького дикого зверька, что в зоопарке мечется по своей клетушке. Михаилу были приятны ее слова, но вызывал беспокойство этот чрезмерный темперамент. И он поспешил успокоить дочь:

– Дашутка, угомонись. Сядь, пожалуйста.

Она повиновалась и обиженно засопела.

– Я тебе вот что скажу, дочка: не надо переживать за нас с матерью. Мы взрослые люди...

– А я не за вас переживаю, а за тебя, – посмотрела она на него с явной жалостью. – Ты ведь даже не представляешь, сколько говн... гадостей мы от нее про тебя наслушались. И ведь верили. Вот что ужасно! Да мне за нас с Лешкой стыдно. В общем, так, папочка, вот придет мать, и я хочу, чтобы она при мне еще раз посмела повторить то, что про тебя несла! – заявила она тоном, не терпящим возражений.

И Михаилу стало совершенно очевидно, что отношения Дарьи с матерью не просто сложные, а критические. Немудрено, что дочь не хочет говорить с ней на свои интимные темы. И стало ему снова стыдно именно за себя. Будь на его месте другой, порадовался бы, вот, мол, она – справедливость! Но Родин не был из этого числа. Он стыдился того, что потерял достаточно времени, упустив возможность воспитывать собственных детей. Ему-то что? Сядет в поезд и уедет. А они? Как пауки в банке останутся? Алексей конфликтует с Дарьей, та – с матерью. А потом все вместе друг с другом. Короче, клубок воспаленных нервов. Это никуда не годится. Надо что-то делать, как-то мирить их, чтоб не травили себе жизнь. И делать придется ему, поскольку именно он является тут камнем преткновения, из-за которого разгораются страсти. К тому же в семье теперь не существует авторитета. Сплошная анархия, где каждый пытается перетянуть одеяло на себя, но ни один не способен удерживать власть, поскольку не авторитетен для другого. Дети желают найти справедливость. Понятно. Подростковый максимализм. Когда нет полутонов, а существует лишь черное и иногда белое. Необходимо учить их разбираться в оттенках жизни. В данном случае на собственном примере. Что ж, если уж обратились в его сторону, значит, настал момент брать на себя ответственность управления этой маленькой страной под названием «Бывшая семья». Хотя нет, не правильно он сейчас думает. Бывшей может быть жена, а дети всегда есть и останутся твоим настоящим. Но они сейчас напрямую зависят и от матери. От его «бывшей». Стало быть, придется и с ней, сцепив зубы, общаться. Конечно, не так, как сейчас предлагает дочь. Незачем выслушивать запоздалые обвинения или извинения. Решать нужно проблемы и задачи, актуальные на данном этапе. Пустой треп могут позволить себе депутаты Государственной думы, решающие проблемы всей империи. А тут вопрос сконцентрированный, не размытый...

– Так ты согласен? – услышал Михаил откуда-то издалека повышенный тон дочери, превративший его размышления. Задумавшись, он, видно, пропустил ее очередной вопрос.

– На что?

– Ну, на то, чтобы мать извинилась перед тобой в моем присутствии. И в Лешкином.

– А зачем? Ты что, хочешь побаловать мое самолюбие? Так мне не нужно таких подарков. Или свое, унизив мать? Для чего тебе это нужно, Даша? Если ты так печешься о моем авторитете, то, пожалуйста, оставь эту затею. Время и так все расставило по своим местам. Я бы даже сказал – всех, а не все. К чему ты хочешь устроить никому не нужный победоносный марш? Ты не задумывалась о том, что твоя мать сейчас довольно несчастный человек?

– Сама виновата, – буркнула Дарья.

– Пусть так. Каждый может совершать ошибки. Но и расплачивается потом сам. Зачем же человеку увеличивать счет? Делать больше. Даша, я не думал, что ты у меня такая жестокая девочка.

– Это я-то жестокая?! Да я... Да ты!..

В этот момент раздалась мелодия из кинофильма «Титаник».

– Блин! – ругнулась Дарья и вынула из кармашка свой белый смартфон. – А, ну вот и она, легка на помине, – мельком показала отцу высветившуюся фотографию Галины. – Алло, мама... Да, вот сидим и пьем кофе... Ушел в институт. Ты когда приедешь?... Ясно. Могла бы и пораньше ради такого случая. В принципе, ничего другого я от тебя и не ожидала... Нормально я разговариваю. Все, пока.

Общение с матерью прошло на повышенных тонах. Михаил не ошибся в своих подозрениях.

– Вот, пожалуйста. Я так и знала! Она будет только к пяти вечера. У нее, видите ли, важная работа. Можно подумать, она министр, а не маникюрша, – с возмущением пояснила Даша. – И как тебе это нравится?

– Честно сказать, такой вариант мне очень подходит. Успеем с тобой спокойно пообщаться, и как раз к этому времени у меня обратный билет, – с улыбкой ответил Родин.

Ему на самом деле абсолютно не хотелось видеть Галину. А уж тем более выяснять с ней прошлые отношения, как желала того Даша.

– То есть как обратный билет?! Ты что, сегодня уезжаешь?! – всплеснула руками дочь. – А как же я? Как же мой вопрос, ради которого ты и приехал?

– Доча, я действительно приехал ради твоего вопроса, но пока ты задаешь их только мне. Может быть, на самом деле мы перейдем к твоей теме? Давай ты мне все-таки уже что-нибудь расскажешь о себе.

– Ага, значит, ты хочешь все про меня знать? – посмотрела она на него глазами, полными слез. Ее голосок задрожал.

* * *

Аркадий поднялся по крашеным деревянным ступенькам и очутился на веранде. Анна же скрылась за дверью дома, жестом указав ему на плетеное кресло. И он, как послушная собачонка, присел в него, удивляясь тому, что совершенно не может ее послушаться. То ли в нем до сих пор сидит это плебейское подбострастие перед бывшими господами, то ли... Да даже страшно подумать, что в противном случае. И все-таки похоже на то... На то, что он по уши влюблен в эту Анну, завладевшую всеми его мыслями, а главное, волей.

Оставшись один, Самохваленко осмотрелся по сторонам. Ничего тут роскошного нет. Круглый деревянный стол, покрытый идеально белой плотной скатертью, на нем – стеклянная тарелка с сухарями, еще одна – с мелкими зелеными яблоками. Видно, со своих ранних яблонь. Да вокруг еще четыре таких же старых плетеных кресла, в каком он сейчас сидел. Но, может быть, там, внутри дома, найдется что получше? Оглянулся на огород. Тетка, казалось, не собиралась присоединиться к чаепитию, начав прополку и без того чистых грядок с огурцами. Не стеснясь, она подкрутила подол своего длинного платья, став похожей на обычную селянку, и высматривала редкие сорняки, каждый раз наклоняясь к ним, не сгибая ног. Солнце стояло в зените и нещадно палило. Засмотревшись на то, как она периодически поправляет свою шляпу, Аркадий спохватился, что негоже ему тут сидеть в своей форменной фуражке. Это ведь не по этикету. Снял. Ею же обтер пот со лба, потерял пуговку рубахи, и в этот момент дверь распахнулась и в проеме появилась Анна с подносом в руках.

– Аркадий, вы мне не поможете? – лучезарно улыбаясь, попросила она. – Боюсь, одной не справиться.

Самохваленко вскочил с кресла так молниеносно, что чуть не опрокинул его. Анна хихикнула:

– Ой, аккуратнее! Не хватало, чтобы наш гость поранился.

Опустив глаза, он взял из ее рук железный поднос, на котором стояли четыре фарфоровые чашки, заварочный чайник, под стать им, небольшая вазочка с ягодным вареньем, пучок сухой земляники и простенькие розетки. Аркадий перенес поднос на стол и застыл в ожидании следующей просьбы, готовый услужить.

– Погодите еще минутку, я самовар принесу, – не переставая улыбаться, сказала Анна и снова скрылась за дверью, на этот раз не закрыв ее за собой. Возможно, специально? Чтобы дать Аркадию возможность пойти за ней и еще раз помочь. Самовар-то, наверное, тяжелый. И он, недолго думая, заглянул внутрь и крикнул вслед:

– Донести? Самовар-то донести?

Но Анна, не ответив, завернула в какую-то комнату, но тут же появилась вновь, держа перед собой большой, начищенный до золотого блеска самовар. Самохваленко видел, что это, конечно, не золото. У них дома почти такой же, только закопченный весь, да засаленный. Не спрашивая, он перехватил самовар у Анны, слегка коснувшись ее прохладных пальцев. Заметил, что он неполный и едва теплый, и перенес к столу.

– Ну что, будем его кочегарить или так попьем? Это еще с завтрака осталось. А вы умеете разжигать самовар? – спросила она, кокетливо склонив набок голову.

– Умею. Но сойдет и так, – продолжая стоять, ответил Самохваленко, комкая в руке фуражку. – Знойно сейчас для кипятка.

– Да? Ну, тогда присаживайтесь. Вот только земляника, боюсь, в таком чае не заварится. А вы любите чай с земляникой? Я сама ее собирала. А потом вот вязали в пучки и сушили на чердаке, – как ни в чем не бывало, словно они старые приятели, зашебетала девушка, наливая ему в чашку заварку.

– Давно не пил с земляникой. У меня мать раньше тоже так делала. Вкусно. От нее дух хороший, – уже меньше смущаясь, ответил Аркадий.

– А сейчас что?

Самохваленко не понял вопроса и часто заморгал.

– Почему сейчас не сушите ягоду? – пояснила Анна, наполняя свою чашку.

– А, да мамаша уже плоха здоровьем. Не может по лесу шастать, как раньше.

– А вы что ж не помогаете?

– Когда ж мне? Я ведь теперь в городе живу. Давненько уж.

– Так вы на службе теперь? Я как-то не догадалась.

– Теперича – да. Вот в ВЧК пошел, – не без гордости произнес Аркадий, показав зачем-то свою кожаную фуражку.

– М-да? А что означает ваше таинственное ВЧК?

– Как чаво? Всероссийская чрезвычайная комиссия, возглавляемая Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Председатель он. Вот, служу тама, – обстоятельно пояснил он, дивясь, что Анна не знает таких элементарных вещей. А с виду образованная.

– Ах, понимаю, понимаю. Это аббревиатура такая.

– Ну да, – энергично кивнул Аркадий, сделав вид, что понял смысл ее «заморского» слова. – А для кого еще чашки-то? Мы тута вроде вдвоем.

Ему хотелось показать Анне, что не просто так просиживает портки на службе. Он теперь ох какой наблюдательный!

– Так для Лидии Васильевны и для Николеньки. Если они захотят к нам присоединиться. Вы не возражаете против их компании, Аркадий Валерианович?

– А кто таков Николенька?

– Брат мой. Он сейчас читает Байрона. Но вскоре, возможно, появится тут. А вам нравится Байрон?

– Не знаю, как насчет вашего Баройна, – исковеркал он неизвестную ему фамилию, – но вот почему ж тогда ваш братец Николай вам по огороду не помогает?

– Но... сие невозможно. Разве вы не знаете?.. Он же не ходит. Болен он. Еще в детстве, когда ему всего пять лет было, упал с качелей и повредил позвоночник. Вы не помните его? – почти обиженно спросила Анна, подставляя чашку Аркадия под краник самовара, но тут же, поставив ее перед ним, окликнула тетку: – Лидия Васильевна, вы чаю не желаете?

Та отрицательно качнула головой, продолжая прополку. Самохваленко не помнил никакого инвалида Николеньку. Да и откуда? Если тот и выйти-то из дома не мог. И решил сменить тему:

– А отец ваш что, в школе сейчас?

– Да. Он там целыми днями пропадает. Столько надо успеть. И откуда только силы у человека берутся? Маменька за него очень переживает. У него ведь тоже здоровье слабое. Сердце шалит, – с явным удовольствием заговорила Анна про своего отца.

– И где ж она сейчас? – поинтересовался Самохваленко.

– Кто? – в свою очередь не поняла девушка.

– Ваша маменька.

– А, так она в город поехала. Чаю купить и сахара. Ой, а вы не хотите меда? Сахару ведь нет. Папу угостила одна женщина. Ее сын у него учится. А они пчеловодством занимаются. Как это я забыла подать? – И Анна встала, собираясь пойти за медом.

Самохваленко не стал ее удерживать. Он нуждался во времени побыть одному. Поскольку в присутствии этой очаровательной девушки он напрочь забывал о цели своего визита. Анна вышла с террасы, и он, машинально отглотнув остывшего чаю, стал лихорадочно соображать, что сейчас должен предпринять. Что вообще получилось? Он сидит тут, можно сказать, в гостях. То есть позволил сделать из себя гостя, а не уполномоченного вершить важные государственные дела. Как это могло случиться? Ведь даже «наган» достал! Вот как был решительно настроен. И что теперь? Как выпутываться из сложившейся ситуации? Каков же он идиот, что дал так себя охмурить. Нет, определенно надо с этим кончать. Вот сейчас она придет, и он расскажет... нет! Объявит о цели своего визита. И в самой строгой форме. Послышались шаги Анны. Или... Или подождать, когда спросит сама, зачем он тут? Пожалуй, что так...

– Вот, посмотрите, Аркадий, – выставила она вперед изящную тонкую ручку, в которой держала небольшую баночку с медом, повязанную сверху льняной тряпицей, – как он прозрачен! Как янтарь. Еще не успел засахариться.

Продолжая стоять напротив так близко, что Самохваленко уловил исходящий от нее аромат девичьей свежести, Анна сняла тряпицу и поднесла баночку прямо к его носу.

– Вдохните, Аркадий. Какой чудный запах! Кажется, тут собраны все цветы наших полей. Чувствуете?

Самохваленко, как замороженный, втянул воздух носом. Но по-прежнему его продолжал будоражить отнюдь не мед.

– Ну? Оценили? – словно издеваясь, не отставала Анна.

– Да. Вкусно пахнет, – шепнул Аркадий, отворачиваясь в сторону, поскольку уже еле сдерживал свои тайные желания. Хорош же он будет, если из представителя власти сейчас превратится в насильника.

– Так угощайтесь.

Анна поставила перед ним баночку, пододвинула розетку, наверное, подсказывая тем самым, что мед надо есть из нее, и снова села напротив, теперь уже молча глядя на него и

слегка улыбаясь. Вот! Вот и настал момент отодвинуть от себя эту дурацкую банку и заявить о своем намерении заставить их сдать в пользу государства припрятанные ценности.

* * *

Казалось, Даша сейчас расплатится. Но что ее так огорчило? То, что Родин должен уже сегодня уехать? Или то, что он не желает видиться с Галиной? Возможно, дочь лелеяла надежды, что они смогут помириться.

Другой вариант – переживает именно о своем положении. Нет, вот как тут разобраться в этих сумбурных девичьих мыслях? А напрямую она говорить не желает. Постоянно увильивает.

– Послушай, Дарья, – решил сменить тактику Михаил, заговорив строгим тоном, – я прекрасно вижу, что ты пытаешься со мной хитрить. Вот только не пойму зачем? Я, честно сказать, ваших женских примочек никогда не понимал. Да и вникать в них даже не хочу. Ты давай просто выложи мне конкретные вещи, которые тебя волнуют, и мы попробуем в них разобраться. Если я в состоянии решить хоть какие-то из твоих проблем, то можешь на меня рассчитывать. Я все сказал. Теперь внимательно тебя слушаю.

Дарья явно была удивлена такой резкой переменой в его настроении. Она поняла, что и впрямь переборщила, пытаясь манипулировать отцом. Не из тех он людей, что пойдут у кого-то на поводу, если сами не захотят. И это очень похоже на нее саму. И неудивительно. Все-таки родная кровь. Но все же у нее была своя цель. И как-никак к ней надо добраться. Возможно, следует и ей сменить тактику?

– Ну, хорошо, – шмыгнула она носом, давая понять отцу, что с намечавшимся плачем покончено. – Мы оба знаем, что ты тут для разборок по поводу моей беременности. А если бы не это, ты бы приехал? Вот скажи честно.

– Ты опять? Даша, давай не будем ходить вокруг да около. Я просил о конкретике. И конкретно тебя спрашиваю: кто он и что ты намерена делать? – продолжая напирать, спросил Михаил и взялся за очередную сигарету.

– Это человек мужского пола. Насчет родов я еще не решила, – следуя поставленной отцом задаче, четко сформулировала она, явно гордясь своей смекалкой. – Что еще тебя интересует? Имя виновника? Так я его не назову.

– Почему?

– А зачем? Что это исправит? Ты посадишь его в тюрьму? Заставишь на мне жениться? Может быть, у тебя это и получится. А ты заставишь его меня любить? – вполне спокойно, словно заученный текст, произнесла Даша, рассматривая свои ногти. – Что ты вообще тут можешь сделать?

Михаил на некоторое время оказался в тупике, не зная, чем парировать. Дочь рассуждала абсолютно правильно. Он сделал несколько глубоких затяжек, обдумывая ответ. Чертовски напрягало то, что никогда его не касалось. Но, может быть, настал момент вникать и в такие дела? Не зря говорят: век живи, век учись. И Родин, полагаясь лишь на свое мировоззрение, а не на учения философов и психологов, совсем просто ответил дочери:

– Я могу принять любое твоё решение. И исходя из этого помочь.

Услышав эти слова, Даша снова всхлипнула и, уже не сдерживая слез, бросилась к нему в объятия. Он едва успел бросить сигарету прямо в чашку с остатками кофе. И, как много лет назад, будучи совсем ребенком, она устроилась у отца на коленях, поливая его небритую щеку слезами:

– Я так люблю тебя, папочка! С-спасибо, что ты у меня есть, – всхлипывая, шептала она. – Прос-сти меня, пож-жалста.

– Ну что ты? Что ты? – гладил он ее шелковистые волосы – Успокойся. Никто ведь не умер. Наоборот, возможно, родится. Так ты решила меня сделать дедушкой? Обещаю, буду

примерным дедушкой. Если, конечно, не утону в фонтане твоих слез. Ну, моя девочка не хочет утопить будущего деда?

Даша засмеялась сквозь слезы, вскочила с его колен:

– Тебе бы все шутить! – попыталась обидеться она, но улыбка предательски расплывалась на ее еще мокром от слез личике.

– Ну а чего же тут горевать? Все в твоих руках. А знаешь, откуда пошла такая поговорка? – продолжал он, как мог, утешать дочь, чувствуя, что вот если бы дали ему сейчас возможность, разорвал бы зубами того подонка.

– И откуда? – вполне заинтересованно спросила она, присаживаясь на свое место.

– Жил на свете один мудрец, – начал он рассказывать, словно сказку, – и были у него ученики. И как-то раз один из них захотел подшутить над своим учителем, решив, что умнее его. Он поймал бабочку, зажал в своих ладонях и, подойдя к учителю, спросил: «Как вы думаете, учитель, я держу мертвое или живое?» А сам, стервец, знал, если тот скажет «живое», он раздавит бабочку. Если скажет «мертвое», выпустит ее на волю. Вот тут мудрец и ответил ему: «Все в твоих руках».

– Здорово! – по-детски восхитилась Даша, округлив глаза. – И откуда ты все это знаешь?

– Бабушку в детстве слушал. И читал иногда. А ты читаешь хоть что-нибудь, кроме учебников и переписок в Интернете?

В этот момент они оба услышали, как звякнул замок входной двери.

– Ну, вот и мать пожаловала. Не выдержала. Просто картина Репина «Не ждали», – сразу преобразилась Даша, сменив только что мягкое выражение лица на ехидную маску.

* * *

И только Самохваленко хотел раскрыть рот, как Анна, будто почувствовав неладное, поднялась со скрипучего плетеного кресла и, подойдя почти вплотную, стала накладывать в розетку мед, черпая его маленькой ложечкой. Невольно или специально девушка коснулась своим плечом его головы. Аркадий отпрянул, как от ожога, дернувшись всем телом.

– Ой, простите, – шепнула Анна, почувствовав его движение. Слегка отодвинулась, но все-таки продолжила свое занятие.

Наполнив до краев розетку, как ни в чем не бывало вернулась на место и снова защебетала о какой-то ерунде. О погоде, о варенье, о каких-то фламинго. И Самохваленко никак не мог ее прервать. Было опять как-то неудобно. Незаметно для себя самого он даже начал есть мед, постоянно обмакивая и облизывая маленькую ложечку, которую с трудом удерживал в своих толстых пальцах.

Через некоторое время возникла пауза, и Аркадий наконец решился взять инициативу в свои руки. Но приступил к делу издалека. Как ему казалось – по-хитрому. Ведь он – сотрудник ЧК, а потому должен быть в курсе, кто тут еще проживает. Кто чем занимается. В общем, состав семьи и род их деятельности. Так учил товарищ Тупин.

– Скажите, Анна... – и тут же осекся, не зная отчества.

– Владимировна, – подсказала она, подливая из самовара в свою чашку уже совсем остывшей воды. – Давайте и вам подолью.

– Нет, не надо. Лучше скажите, Анна Владимировна, а кто еще тут с вами живет, кроме отца, тетушки и вашего брата Николая? – спросил он, моментально пожалев, что произнес это совсем неуместное «лучше». Так ведь разговор сразу превратился в официальный. Да, все-таки ему еще учиться и учиться премудрой государственной службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.